

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

официального оппонента
по диссертации Голициной Евгении Николаевны
«Вовлечённость горожан в управление «умным городом»,
по специальности 5.4.7. Социология управления,
представленной на соискание ученой степени кандидата социологических
наук, выполненной в Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Диссертационная работа Е.Н. Голициной посвящена исследованию вовлеченности горожан в управление «умным городом» и выявлению социально-управленческих механизмов, способных повышать такую вовлеченность в условиях цифровизации городской среды. Актуальность темы определяется тем, что развитие «умного города» не может быть сведено к внедрению цифровой инфраструктуры и технологических сервисов. Требуется учет социальных потребностей, мотивации, доверия, доступности каналов участия и способности жителей воздействовать на процессы городского управления. Автор рассматривает вовлеченность не только как использование цифровых платформ, участие в голосованиях или предоставление данных, но и как более сложную социальную деятельность, включающую субъектность, самоорганизацию, социокультурные факторы и чувственно-эмоциональный компонент. Иными словами, обращение Е.Н. Голициной к антропоцентрической и социально ориентированной логике «умного города» представляется своевременным как для практики управления, так и для научных изысканий в области социологии управления.

Объектом исследования является управление «умным городом», предметом - вовлеченность горожан в управление «умным городом». Цель сформулирована как выявление социально-управленческих механизмов, способствующих повышению вовлеченности горожан в развитие «умного города». Для достижения цели автор последовательно рассматривает социологические подходы к исследованию «умного города», уточняет соотношение понятий «вовлеченность», «участие» и «партиципаторность», исследует роль субъектности, анализирует технологии и механизмы вовлечения, выделяет чувственно-эмоциональное сопереживание и предлагает типологию форм и уровней вовлеченности.

Теоретико-методологическая база носит междисциплинарный характер. Автор обращается к феноменологии, понимающей социологии, теории социального действия, символическому интеракционизму, социологии эмоций, исследованиям городского развития и современным концепциям «умного города». Такая комбинация в целом соответствует поставленной задаче соединения рационально-инструментальных и социально-аффективных оснований участия.

Эмпирическая база включает экспертный опрос «Социальная диагностика „умных городов“» (N=67, 2023–2024 гг.), исследование «Вовлеченность горожан в „умном городе“» (N=55, 2025 г.), 15 глубинных интервью, контент-анализ и анализ открытых данных, а также вторичный анализ материалов ВЦИОМ и НИУ ВШЭ. В экспертной выборке представлены государственные и муниципальные служащие, научные сотрудники и эксперты, IT-специалисты и разработчики. Использование нескольких типов данных является сильной стороной работы, поскольку позволяет сопоставлять нормативно-управленческие установки, экспертные оценки и массовые практики.

Диссертационное исследование подготовлено в логике «от общего – к частному», а именно - от концептуализации «социального умного города» и уточнения понятия вовлеченности к построению системы механизмов, ее эмпирической проверке и разработке типологии участия.

В параграфе 1.1. автор развивает и объединяет уже существующие антропоцентрические и социологические концепции, но вводит понятие «социальный умный город» и предлагает периодизацию развития «умного города» от технократического к социально ориентированному этапу, где критерием перехода выступает степень участия горожан в управлении. «Умный город» рассматривается не только как технологический проект, но и как особая модель социального управления.

В параграфе 1.2. предложено авторское определение вовлеченности как социальной инициативности и активной деятельности горожан, направленной на участие в принятии общественно значимых городских решений. Весьма интересным является попытка разграничить вовлеченность, участие и партисипацию, а также представить вовлеченность как единство рациональных, мотивационных и эмоциональных компонентов. Формирование такой понятийной основы для последующего эмпирического исследования позволило автору отличать реальную готовность влиять на городское управление от простого пользования цифровыми сервисами или формального присутствия на платформах.

В параграфе 1.3. системы механизмов вовлеченности (институциональных, стратификационных, социокультурных и социально-организационных) рассматриваются через категорию субъектности горожан. Автором предложена трехуровневая конструкция, связывающая теоретические механизмы, управленческие технологии и конкретные инструменты участия. Вовлеченность включается непосредственно в структуру управления, горожанин рассматривается не как получатель услуг, а как потенциальный соавтор городских преобразований. Важным является вывод о необходимости институционализации обратной связи, без которой цифровые формы участия рискуют приобрести имитационный характер.

В эмпирической части диссертации, в разделе 2.1. выявляется разрыв между декларируемой человекоцентричностью «умного города» и преимущественно технократической практикой его реализации. Показано, что высокие позиции городов в рейтингах цифровизации не гарантируют высокого уровня гражданской вовлеченности, а существующие платформы чаще используются для решения частных задач, чем для участия в выработке решений. Автором систематизируются информационные, организационные, стратификационные, социально-культурные и психологические барьеры

вовлечения. Опираясь на результаты эмпирических исследований, автор обосновывает необходимость оценки проектов «умного города» не только по количеству технологий, но и по качеству обратной связи и реальному влиянию горожан.

Раздел 2.2. содержит наиболее явный элемент заявленной научной новизны, а именно - чувственно-эмоциональное сопереживание рассматривается как самостоятельный механизм управления вовлеченностью. Автор говорит о рационально-аффективном континууме и двойной легитимации участия через достижение практического результата и через эмоциональное признание. Включает положения социологии эмоций в анализ цифрового городского управления и обосновывает необходимость учета удовлетворенности, доверия, разочарования и эмоциональной обратной связи при разработке городских платформ и проектов. При этом статус данного компонента именно как самостоятельного механизма, а не фактора или условия вовлеченности, требует дополнительного эмпирического подтверждения.

В разделе 2.3. предлагается авторская типология формы участия (экспертно-технологическую, административно-управленческую, гражданско-инициативную и эмоционально-мотивационную) и уровней влияния (стратегический, тактический, операционный, потребительский уровни). Это позволит дифференцировать участников по характеру деятельности и степени влияния на управленческие решения, а также проследить потенциальное движение горожан от пользования сервисами к соуправлению. Эмпирически выявленный «парадокс вовлеченности» (то есть наличие желания участвовать при одновременном блокировании инициатив вертикальными и бюрократическими структурами) имеет важное практическое значение для совершенствования механизмов городской обратной связи.

К числу результатов, заявленных автором как обладающие научной новизной, относятся введение понятия «социальный умный город» и периодизация развития «умного города» через технократический, управленческий, антропоцентрический и социальный этапы; теоретическое разграничение вовлеченности, участия и партисипаторности; обоснование полисубъектной среды управления и классификация механизмов вовлечения; выявление управленческого дисбаланса между декларируемой значимостью участия и низким уровнем его практической реализации; выделение чувственно-эмоционального сопереживания как самостоятельного механизма управления вовлеченностью; разработка многоуровневой типологии, включающей четыре формы участия и четыре уровня влияния.

Заслуживает положительной оценки попытка автора не ограничиваться оценкой цифровой зрелости городов и показать, что высокий уровень технологического развития сам по себе не гарантирует высокого уровня участия жителей. В работе также ставится практически значимый вопрос о барьерах вовлечения - бюрократической формализации, цифровом и социальном неравенстве, коммуникационных, психологических и организационных ограничениях.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии социологического понимания вовлеченности как сложной формы социальной

деятельности и в попытке включить чувственно-эмоциональные факторы в модель управления участием.

Практическая значимость связана с возможностью применения предложенной типологии и рекомендаций при проектировании механизмов обратной связи, общественного участия, цифровых платформ и программ развития «умных городов» на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Результаты исследования апробированы в публикациях и научных выступлениях. По теме диссертации автором опубликовано 13 работ, в том числе четыре статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК для опубликования основных результатов диссертационных исследований.

Замечания и дискуссионные положения

1. Недостаточно завершенной представляется операционализация понятия «вовлеченность». В первой главе автор специально разграничивает «вовлеченность», «участие» и «партиципаторность» (раздел 1.2, с. 47–74) и предлагает рассматривать вовлеченность как социальную инициативность и активную деятельность. Однако при переходе к эмпирическому анализу граница между внутренней готовностью, мотивационной включенностью, фактическим действием и реальным влиянием на решение становится менее отчетливой и неочевидной. В результате один и тот же индикатор (например, использование цифровой платформы, участие в голосовании или выражение эмоционального отношения) потенциально может трактоваться и как участие, и как вовлеченность. Диссертационная работа выиграла бы от более строгой операционализации, позволяющей для каждого эмпирического индикатора определить, какой именно компонент вовлеченности он измеряет – мотивационный, когнитивный, эмоциональный, поведенческий или властно-результативный. Это особенно важно, так как автор заявляет не просто терминологическое, а теоретическое разведение смежных понятий.

2. Эмпирическая база в значительной степени отражает институциональный взгляд на вовлеченность, тогда как собственно голос рядовых горожан представлен преимущественно через вторичные данные. В первом экспертном исследовании (N=67) 72,9 % выборки составляют государственные и муниципальные служащие; представлены также научные эксперты и IT-разработчики. Глубинные интервью (N=15) также проведены преимущественно с профессиональными и институциональными участниками (государственными служащими, представителями профильных ведомств, IT-сферы, архитектуры, науки, журналистики и бизнеса). Массовый взгляд жителей вводится главным образом посредством вторичного анализа исследований ВЦИОМ и НИУ ВШЭ. Такой подход позволяет реконструировать управленческие представления о вовлеченности, однако менее убедительно раскрывает субъективный опыт самих горожан, особенно их эмоциональные мотивы, причины отказа от участия, восприятие бюрократических барьеров и оценку реального влияния на решения. Дополнительного пояснения требует и личный вклад автора в коллективные эмпирические проекты, поскольку в описании ряда исследований указаны научные руководители и коллективные исследовательские рамки.

3. Требуется уточнения интерпретация корреляционного анализа, использованного для обоснования тезиса об отсутствии связи между цифровизацией города и вовлеченностью жителей. В разделе, посвященном

технологиям и механизмам вовлеченности (раздел 2.1, с. 96–135), автор сопоставляет показатели цифровизации городов и уровни вовлеченности и приводит коэффициент Спирмена $-0,42$, трактуя результат как отсутствие прямой корреляции. Между тем значение $\rho = -0,42$ само по себе скорее указывает на наличие умеренной отрицательной монотонной связи, а не на отсутствие связи как таковой. Для корректного вывода необходимо знать объем сопоставляемой совокупности, статистическую значимость коэффициента, согласованность временных срезов и сопоставимость методик построения используемых индексов. Кроме того, индексы цифровизации и вовлеченности могут измерять разные уровни анализа и содержать неодинаковый набор индикаторов, поэтому интерпретация отрицательной связи требует особенно осторожного подхода. Возможно, точнее было бы говорить об отсутствии ожидаемой положительной зависимости, а не об отсутствии корреляции.

4. Статус чувственно-эмоционального сопереживания как самостоятельного механизма управления вовлеченностью нуждается в более строгом эмпирическом доказательстве. Во втором параграфе второй главы (с. 136–152) автор обосновывает самостоятельную роль чувственно-эмоционального компонента и связывает эмоции (удовлетворение, уверенность, разочарование) с мотивацией к участию и легитимностью решений. Само включение эмоций в анализ управления является весьма интересным. Но из представленных данных не вполне ясно, доказан ли именно статус эмоций как самостоятельного социально-управленческого механизма, либо речь идет о мотивационном факторе, медиаторе между опытом взаимодействия и последующим поведением или результате качества управления. Для признания эмоционального сопереживания механизмом следовало бы показать устойчивую цепочку от управленческого воздействия к эмоциональной реакции, к изменению мотивации, к изменению участия и, в итоге, к управленческому результату. Также следовало бы операционализировать эмоциональные состояния так, чтобы их можно было отличить от общей удовлетворенности городскими сервисами или доверия к институтам.

5. В продолжение выше названного противоречия, отметим, что выражение «использование чувственно-эмоционального компонента в управленческой деятельности» (см. гипотезу) предполагает инструментальное воздействие субъекта управления на эмоции граждан. Но доверие, солидарность и соуправление обычно предполагают субъект-субъектные отношения, добровольность и взаимность. Что, с точки зрения диссертанта, является непосредственным объектом управления - сама вовлеченность граждан, условия для вовлеченности или институциональная среда, позволяющая гражданам реализовать собственную субъектность? Насколько вообще корректно говорить об «управляемости вовлеченностью» в рамках заявленной субъект-субъектной модели?

Высказанные замечания не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования и не отменяют значимости полученных результатов.

Заключение: Диссертация Голицыной Евгении Николаевны «Вовлечённость горожан в управление «умным городом»» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей

важное значение для развития социологической науки и практики, соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763, приказ об изм. № 02-1313 от 10.07.2025; приказ об изм. 02-1794 от 17.09.2025; приказ об изм. №02-01364/001 от 01.07.2026 г.), а ее автор Голицина Евгения Николаевна заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата социологических наук по специальности 5.4.7. Социология управления.

Официальный оппонент:

Комлева Валентина Вячеславовна,
доктор социологических наук, профессор,
Почетный работник сферы образования РФ,
заместитель директора по научной работе
АНО «Национальный исследовательский
институт развития коммуникаций»

В.В. Комлева

«14» сентября 202__ г.

Подпись В.В. Комлевой удостоверяю
Ответственный за кадровое делопроизводство

О.В. Недорезова

«14» сентября 2026 г.

Комлева Валентина Вячеславовна
Почтовый адрес: АНО НИИРК
119034, Россия, г. Москва, а/я 111
Тел.: +7 (495) 252-67-88; e-mail: komleva@nicrus.ru